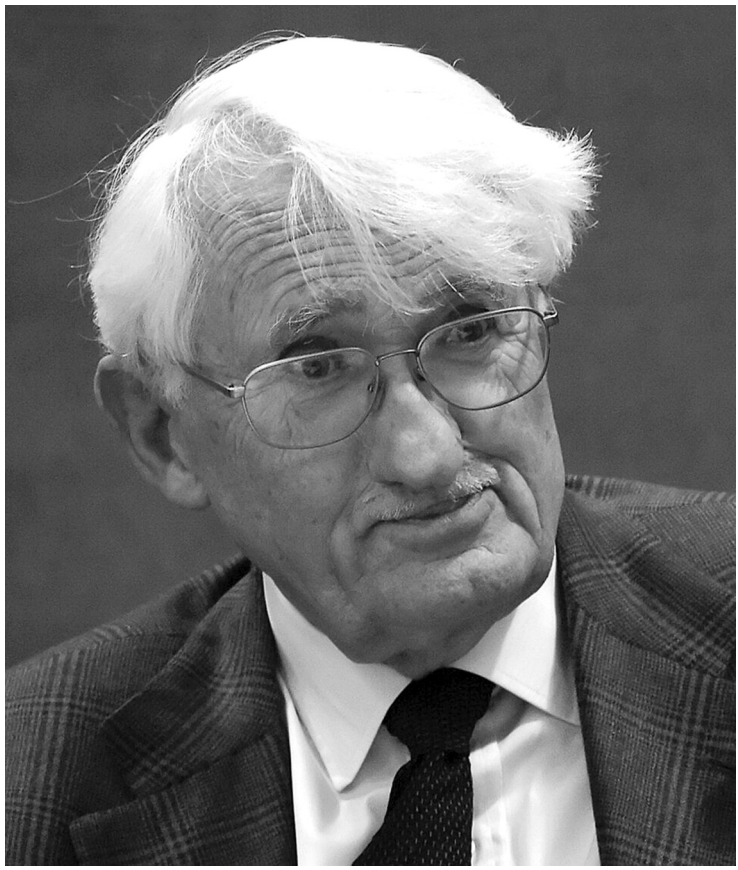
# *In Memoriam*

## ПРАВО СКАЗАТЬ «НЕТ»

## **Юрген Хабермас**

(1929—2026)



Нэнси Фрейзер

# После Хабермаса[1]

Юргена Хабермаса можно описать и как совесть послевоенной Германии, и как последнего великого систематического философа, и как главного представителя второго поколения Франкфуртской школы, и как мыслителя, который положил этой «школе» конец. Многие могут и будут давать ему похожие грандиозные оценки. Но я, будучи левой американкой, входящей в его интеллектуальный круг, хочу рассказать о том, чему я научилась у Хабермаса и чему я смогла научиться, отвернувшись от него.

Мои отношения с Хабермасом были крайне сложными. Он служил для меня источником вдохновения и ролевой моделью; наставником и оппонентом; человеком, который первым показал мне, как заниматься «эмансипаторной критикой», но от которого мне в конечном итоге пришлось отдалиться.

Впервые я познакомилась с идеями Хабермаса в середине 1970-х годов, когда я училась в философской аспирантуре. Вместе с другими новыми левыми я искала интеллектуальную основу, которая могла бы укрепить мои политические убеждения и помочь в борьбе за их воплощение. Тогда у нас на виду были две значимые фигуры: Хабермас и Мишель Фуко. Разбираясь в их идеях и «пробелах», я начала относить себя к критическим теоретикам. Мне казалось, что именно под знаменами Франкфуртской школы я смогу воплотить свои убеждения в жизнь наилучшим образом.

В отличие от Фуко, Хабермас обладал перспективой «реконструированного исторического материализма». Он смотрел на послевоенное капиталистическое общество как на тотальность, раздираемую противоречиями и кризисными тенденциями, отвергая при этом экономический редукционизм. Выдвигая на первый план «коммуникацию» в противовес «труду» и «жизненный мир» в противовес «системе», он указывал на относительную автономию культуры, идей и политики, а их «колонизацию» связывал с бюрократией. В результате его усилий родилась новая критическая теория государственного капитализма всеобщего благосостояния, которая описывала угрозы этого строя и перспективы, открывающиеся для эмансипации. Теория Хабермаса, состоявшая из синтеза идей Маркса, Вебера и теории речевых актов, придала систематическую глубину интуициям новых левых с одной стороны, а с другой — ослепительным выводам Фуко.

Из этого синтеза черпали вдохновение и другие интеллектуалы моего поколения. Но меня в меньшей степени интересовало нормативное измерение построений Хабермаса. Тогда как другие обращались к «дискурсивной этике» для обоснования собственных политических теорий демократии и права, я все больше уходила в хабермасову критику «позднего капитализма». Приоритет над работой «Между фактами и нормами» (1992) я отдавала «Структурной трансформации публичной сферы» (1962), «Кризису легитимации» (1973) и

---

1 *Fraser N.* After Habermas // London Review of Books. 2026. March 25 (URL: https://www.lrb.co.uk/blog/2026/march/after-habermas). Печатается с разрешения авторки.

главе о «внутренней колонизации жизненного мира» из «Теории коммуникативного действия» (1981).

«Структурная трансформация» научила меня историзировать и проблематизировать природу институтов, которые, как оказалось, обеспечивали молчание угнетенных при капитализме. Идея о «внутренней колонизации жизненного мира» позволила мне посмотреть на капиталистическое общество как институционализированный социальный порядок, включающий государственную и экономическую системы, публичный и частный жизненные миры, разделенные границами, которые при этом являются подвижными и которые можно оспорить. Работа «Кризис легитимации» научила меня видеть формы капиталистического кризиса, выходящие за рамки экономики, — в первую очередь кризис самой политической легитимации, но также, если посмотреть шире, кризис социального и экологического воспроизводства. В этих работах я обнаружила того Хабермаса, которого искала, — того, кто помогал прийти к неортодоксальному демократическому марксизму, необходимому для новой эпохи.

Этот союз никогда не был идеальным. На тот момент я придерживалась радикального историцизма Ричарда Рорти и мне уже не особо отзывались попытки найти «нормативные основания» для критической теории в глубинах мнимой антропологически обусловленной потребности стремиться к согласию друг с другом через коммуникацию. Моя цель, скорее, заключалась в том, чтобы прояснить ту историческую конъюнктуру, в которой мы находились, — и раскрыть возможности для того, чтобы от нее освободиться. Когда я писала о публичной сфере, то критиковала игнорирование Хабермасом транснациональных и «субальтерных контрпублик», подчеркивая, что они способны опрокинуть буржуазную гегемонию. Что касается колонизации жизненного мира, мне казалось, что Хабермас, эссенциализируя различие между системой и жизненным миром, затенял конкретные исторические формы мужского господства и упускал потенциал феминизма для социальных преобразований. В обоих случаях я заново открывала закрытое им пространство для социально-демократической альтернативы «позднему капитализму». Если моя первая попытка была воспринята доброжелательно, то вторая привела к разрыву, длившемуся пять лет.

А мир не стоял на месте. По мере того как «патологии юридизации» (*Verrechtlichung*) сменялись хаосом неолиберализации, должен был развиваться и критический анализ. Назревала потребность пересмотреть критику в условиях кризиса. Как подойти к таким явным «дисфункциям» системы, как глобальные пандемии и потепление, умопомрачительный рост долговых обязательств и резкое падение зарплат, сокращение программ государственной поддержки и разрушение инфраструктуры, ужесточение пограничного контроля и преследование внутренних врагов, откат демократизации и милитаризация, геноцид и «горячая» война, — можно ли воспринимать все это не как случайные «напасти», а как закономерный результат развития капитализма?

В поисках неэкономистических форм теории кризиса я вновь обратилась к Хабермасу. Важную роль сыграла работа «Кризис легитимации», поскольку она обосновывала переход моего поколения к «постматериалистическим» ценностям, указывая на структурно-институциональные трансформации капитализма. Однако ряд ее основных тезисов не был достаточно убедительным. Я не считаю, что политический кризис легитимации полностью вытеснил эконо-

мический кризис накопления и что угнетенные и субальтерны как основные агенты социальных преобразований должны быть заменены демократически настроенными гражданами.

Я обратилась к другим источникам: к работам Грамши о гегемонии и контргегемонии; к работам Альтюссера об идеологии; к феминистским теориям социального воспроизводства; к экомарксизму и представлениям о «природах» капитала; к трудам Дэниэла Белла и Люка Болтански о культурах капитала; Розы Люксембург и У.Э.Б. Дюбуа — о расовом империализме; Эдварда Саида и Рашида Халиди — о поселенческом колониализме; Карла Поланьи — о фиктивной коммодификации и социальной борьбе; Дэвида Харви — о неолиберализме; и Маркса — о логике капитала. Но я все равно чувствую, что Хабермас так или иначе сопровождал меня на каждом шагу этого пути.

Хабермас пролил для меня свет на путь критического теоретика. И я за это ему по-прежнему глубоко благодарна. Но с годами свет, который исходил от него, стал мерцать — до тех пор, пока из-за его позиции по Газе он, кажется, не погас вовсе. Когда-нибудь историки решат, была ли эта позиция аномалией или кульминацией длительного процесса, в результате которого критическая теория Франкфуртской школы превратилась в форму либерализма, слишком часто выступающую соучастником американского империализма. Я все же придерживаюсь мнения, что Хабермас сначала возродил критическую теорию, но в конечном итоге привел ее к завершению. Даже если это так, одним своим присутствием и глубиной мысли он вдохновил многих, кто продолжает заниматься построением «критических теорий с эмансипаторными намерениями» и связанных с ними социально-демократических идеалов. Некоторые из нас, возможно, больше не являются хабермасианцами, но мы учились у него, вместе с ним и вопреки ему, что означает оставаться верными критике.

*Перевод с английского Николая Нахшунова*

Николай Плотников

# Философ разумного диалога

Многие сейчас говорят, что со смертью Юргена Хабермаса ушла эпоха. Но чтобы это не оставалось пустой риторической формулой некролога, нужно понять: что это была за эпоха — и почему именно он стал ее воплощением.

## Хабермас и публичные дебаты

Известный тезис Маркса гласит, что философы лишь различным образом объясняли мир, тогда как задача состоит в том, чтобы его изменить. Для Хабермаса этот тезис имел двоякий смысл. Во-первых, он сам принадлежал к поколению западногерманских интеллектуалов, которые после катастрофы нацизма стре-